

«Мягкая сила» в гибридной войне

Джомарт АЛИЕВ

Любые военные действия вне зависимости от их исторического контекста, масштаба, целей и итогов сопровождаются применением силы. Для конвенциональной войны это вполне очевидное явление. В горячем конфликте используется военная сила, и в зависимости от исторического этапа развития государства эта сила либо представляется в виде «кулака или дубинки», либо в виде новейших разработок военно-промышленного комплекса.

Гибридная война (*hard power*) стала одним из первых методов, освоенных человечеством для навязывания своей воли другим, установления определённых правил и их поддержания¹.

Однако с течением времени этой силы стало недостаточно: человеческое общество усложнялось, усложнялись и особенности взаимоотношений в нём.

Так, задолго до появления понятия «гибридная война», ещё в VII в. до н. э. древнекитайский философ Лао-Цзы сказал, что «в мире нет предмета, который был бы слабее и нежнее воды, но она может разрушить самый твёрдый предмет»², а китайский полководец Сунь-Цзы писал, что «лучшее из лучшего –

АЛИЕВ Джомарт Фазылович – кандидат экономических наук, заведующий кафедрой методов и технологий современной пропаганды и контрпропаганды, первый проректор ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет». E-mail: AlievDF@rgsu.net

Ключевые слова: «мягкая сила», гибридная война, информационная война, неконвенциональная война.

¹ Бугорская Е.Н., Емельянова О.В. «Гибридная война» как новый тип войны в 21 веке // Актуальные проблемы международных отношений в условиях формирования мультиполярного мира. Сборник научных статей 8-й Международной научно-практической конференции, Курск, 14 декабря 2019 г. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. С. 88–90.

² Лао-Цзы. Дао-Дэ Дзин. Книга пути и достоинства / пер. с кит. Д.П. Кониси. М.: АСТ, 2020. С. 36.

покорить чужую армию, не сражаясь»³. Хочется сказать в этой связи банальную фразу: «Китайцы уже тогда что-то знали!»

Но китайские мудрецы были не одиноки. В XVI в. с этой проблемой столкнулся испанский и португальский король Филипп II, военная мощь которого не помогла ему в противостоянии с европейскими странами, в частности Нидерландами и Англией, чья сила включала не столько военный потенциал, сколько привлекательность их банков⁴.

С современным содержанием гибридной войны всё гораздо сложнее, поскольку стало очевидно, что обычных физических и экономических методов воздействия уже недостаточно и требуются принципиально иные технологии влияния. Одной из таких технологий является «мягкая сила» (*soft power*)⁵.

Теоретически это технология распространения влияния путём формирования определённого имиджа того или иного государства, политики или идеи, конструирования в сознании определённых социальных групп необходимого восприятия, уровня доверия. Причём существование мягкой силы вне контекста гибридной войны возможно, а вот гибридная война без «мягкой силы» не может существовать⁶. Её преимущество заключается в том, что нет необходимости принуждать кого-либо к чему-либо. У целевой аудитории формируется определённый уровень доверия, и она добровольно принимает данное влияние, иногда подчиняясь неосознанно. Как следствие – нет необходимости сталкиваться с серьёзным противодействием, т. е. это сложный механизм, обеспечивающий достижение целей в различных сферах: культурной, политической, экономической и пр.

Появление теории «мягкой силы» имело ряд интеллектуальных предпосылок.

Особое внимание стоит обратить на те концепции, которые трактуют гибкую силу как некую формулу «со-

блазна», как у социолога Ж. Бодрийяра⁷ или «обольщения» у философа Ж. Липовецкого⁸. Также стоит упомянуть трактовку культурно-идеологической гегемонии итальянского философа А. Грамши⁹ и «текучей со-

³ *Сунь-Цзы. Искусство войны* / пер. с англ. М.М. Михайлова. М.: Астрель, 2012. С. 102.

⁴ *Хамидулина А.Ю. Завоевание Нового Света и международные отношения* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия. Международные отношения. 2001. № 1. С. 103–108.

⁵ *Gallarotti G.M. Compound soft power: the BRICS and the multilateralization of soft power* // Journal of Political Power. 2016. Vol. 9. № 3; *Keating V.C., Kaczmarek K. Conservative soft power: liberal soft power bias and the 'hidden' attraction of Russia* // Journal of International Relations and Development. 2019. Vol. 22. № 1. P. 1–27.

⁶ *Ивахов Л.Г. Операции «мягкой силы» в гибридной войне* // Геополитика и безопасность. 2017. № 3. С. 14–24.

⁷ *Бодрийяр Ж. Система вещей* / пер. С.Н. Зенкина. М.: Рудомино, 2001. С. 19.

⁸ *Агашкова П.И. [и др.]. Soft power: теория, ресурсы, дискурс: монография* / под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2015. – 373 с.

⁹ *Грамши А. Искусство и политика: сборник: В 2 томах* / пер. Р.И. Хлодовского. М.: Искусство, 1991. Т. 1. С. 202.

временности» британского социолога З. Баумана¹⁰.

Если проанализировать идеи философов постмодернизма, можно выделить одну общую и очень важную для понимания «мягкой силы» черту – стратегию соблазна. Это стратегия оболыщения посредством приманки, предлагающая в качестве предмета потребления иллюзию, которая зачаровывает, в виртуальную реальность которой погружаются с удовольствием.

С точки зрения гибридных войн действие «мягкой силы» можно рассматривать не только как формирование соблазнительного образа страны-инициатора, но и напротив – как создание непривлекательного имиджа государства-мишени, политического конкурента (что видно на примере конфликта Израиля и Хезболлы).

Задача заключается именно в том, чтобы, базируясь на определённых общих взглядах, представлениях, ценностях, создать виртуальную реальность, которая вызовет эмоциональный отклик у определённых групп, негативный или позитивный в зависимости от конкретных целей и задач, но обязательно добровольный. Иными словами, человек должен верить в то, что это его точка зрения, его выбор.

«Главное – не то, сколько я убил врагов, главное – сколько я приобрёл друзей»¹¹. Цель «мягкой силы» не в том, чтобы физически уничтожить противника, привести к гибели его физическую оболочку, а уничтожить его потенциальное сопротивление,

переманить на свою сторону, создавая иллюзию дружбы¹².

В истории есть достаточно примеров такой «иллюзорной дружбы», когда действия страны-агрессора преподносятся как действия «во благо», ради «светлого будущего», «распространения принципов демократии».

Так, в 2000 г. в США был принят закон о росте и возможностях Африки (AGOA).

Цель у закона весьма благая: демонстрация «дружеского настроения», «за всё хорошее против всего плохого».

AGOA предоставляет правомочным странам Африки к югу от Сахары бесполошлинный доступ на рынок США для более чем 1800 продуктов в дополнение к более чем 5000 продуктам, которые имеют право на бесполошлинный доступ в рамках программы всеобщей системы преференций.

Чтобы соответствовать строгим квалификационным требованиям AGOA, страны должны создать или постоянно продвигаться к созданию рыночной экономики, верховенства закона, политического плюрализма и права на надлежащую правовую процедуру. Кроме того, страны должны принять меры по сокращению бедности, по борьбе с коррупцией и защите прав человека, но главное – устранить барьеры для торговли и инвестиций США.

В связи с этим становится любопытно, действительно ли эта поддержка оказывает помощь или просто формирует благоприятную почву для достижения определённых целей «друга»?

Можно обратиться к такому комплексному показателю, как индекс человеческого развития, поскольку он суммарно отражает уровень благо-

¹⁰ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. М.: Весь Мир, 2004. С. 63.

¹¹ Nye J.S., Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004. P. 48.

¹² Ibid. P. 55.

состояния, прав и возможностей, уровень ожидаемой продолжительности жизни.

Согласно сведениям Всемирного банка, в 2000 г., когда была развёрнута эта программа поддержки, к примеру, Республика Конго была на 176-м месте по ИЧР (показатель 0,33), что характеризует её как страну с низким уровнем человеческого развития.

Что получилось в итоге? По прошествии 10 лет помощи и поддержки в 2010 г. ИЧР Конго составил 0,239, кроме того, во время президентского срока Б. Обамы (2010 г.) в Конго начали проводиться совместные учения вооружённых сил США и Конго. Помимо подготовки вооружённых сил под руководством американских инструкторов начала действовать программа, направленная на решение острой проблемы региона – предотвращение сексуального насилия, а также были направлены 100 чел. медицинского персонала из национальной гвардии США, которые бесплатно оказывали помощь гражданам¹³. Это стало плодородной почвой для формирования образа «доброго друга», но после завершения программы в республике вспыхнула новая волна насилия.

Этих примеров, конечно, не вполне достаточно, чтобы оценить эффективность данных программ, тем не менее вопрос относительно «иллюзорности дружеских отношений» между развитыми странами и странами третьего мира остаётся открытым.

Понятие *soft power* ввёл в научный оборот североамериканский исследователь Дж. Най в 1990 г.¹⁴ Раз-

вивая эту мысль, автор обращает внимание на комплексную взаимозависимость стран, выражающуюся не только во взаимопроникновении их экономик, и рассматривает влияние, основанное на нематериальных источниках силы. «Иногда вы можете получить нужный результат без применения угроз или подкупа»¹⁵.

Важно отметить, что сущность *soft power* прямо противопоставлялась насилию и принуждению против воли. Най пишет: «"Мягкая сила" – это не просто искусство убеждать или менять поведение людей в силу приведённых неоспоримых аргументов. Ресурсы "мягкой силы" – это такие активы, которые производят эффект притяжения. Это объединяющее воздействие общих ценностей и целей»¹⁶.

Изначально речь шла о высокой роли влияния языка и культуры на мировую политику и деловые процессы. Однако в целом в его работах можно выделить следующие основные ресурсы «мягкой силы»:

- культура (особенно поп-культура: фильмы, музыка, книги; и политическая культура);
- общая система ценностей;
- публичная дипломатия;
- законность (прямо связана с реализацией демократических ценностей);
- легитимность (конкуренция вокруг этого ресурса позволяет ослаблять мягкую силу противника)¹⁷.

¹³ Colin S.G. Hard Power and Soft Power: The Utility of Military Force as an Instrument of Policy in the 21st Century / S. Gray Colin. SSI Monograph, 2011. P. 89.

¹⁴ Nye J.S., Jr. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N. Y.: Basic Books, 1990. P. 19.

¹⁵ Ibid. P. 36–37.

¹⁶ Ibid. P. 74.

¹⁷ Леонова О.Г. Джозеф Най и «мягкая сила»: попытка нового прочтения // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 1. С. 101–114; Она же. «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния // Обозреватель–Observer. 2014. № 3. С. 18–28.

При этом сам Дж. Най отмечает высокую роль субъективной харизматичности, привлекательности политического лидера. Эффективность ресурсов «мягкой силы» прямо зависит от временного ресурса, характера объекта воздействия, контролируемости ситуации, существующей степени доверия. Если изначально репутация государства подпорчена, то его лидеры не пользуются большим доверием, или если ситуация осложняется внутривнутриполитическими процессами, то влияние «мягкой силы» ослабнет или потребуются больше времени на обработку государствами. Если же временной ресурс ограничен, то либо понадобится привлечение дополнительных средств и «креативных идей», либо проект не принесёт нужных результатов. Поэтому-то «...мягкую силу трудно применять, легко потерять и дорого восстанавливать»¹⁸.

Исходя из этого, можно сказать, что сформировалось широкое понимание того, что можно считать проявлением «мягкой силы», и, как следствие, это породило большое количество трактовок этого феномена не только среди исследователей, но и широкого круга политических деятелей, журналистов, различных экспертов.

Основная сложность заключается в выделении полного и чёткого перечня компонентов «мягкой силы», поскольку в отличие от ограниченного количества методов кон-

венциональных войн для создания национального бренда можно использовать огромное количество возможностей: от «косвенной» рекламы и пропаганды своих соблазнительных достижений до вербовки, давления через третьих лиц, прямого подкупа или обещания каких-либо преференций. Возможно, именно по этой причине исследователи часто прибегают к использованию аллегорий и метафор.

К примеру, аналитики *RAND Corporation A.* и Д. Ронфельд описывали *soft power* как маяк, зажжённый на скале¹⁹.

«Спасительный свет маяка» действительно создаёт очень благодатную почву, чтобы посеять определённые идеи или просто сделать общество более лояльным. Метафора маяка особенно хорошо подходит для ситуаций с гуманитарной помощью, благотворительностью, миротворчеством.

Например, в 2010 г. после разрушительного цунами в Индийском океане КНР отправила судно-госпиталь *Ship 866* с грузом медикаментов в Джибути, Кению, Танзанию, Сейшелы и Бангладеш.

Ряд исследователей считает, что технологии проведения «цветных революций» и установление марионеточного режима (Грузия) прямо связано с реализацией на практике «мягкой силы»²⁰.

«Цветные революции» трактуются как современный метод ненасильственного сопротивления и сверже-

¹⁸ Най Д.С. Будущее власти: как стратегия умной силы меняет XXI век / пер. с англ. В.Н. Верченко. М.: АСТ, 2013. С. 243.

¹⁹ Цит. по: Савин Л.В. Сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение, 2011. С. 29.

²⁰ Nye J.S., Jr. Bound to Lead. P. 77.

ния «диктаторских режимов»²¹. Компонент «мягкой силы» присутствует уже даже в названиях, которые присваивались этим событиям: «бархатная революция» в Чехословакии, «революция роз» в Грузии, «жасминовая революция» в Тунисе или даже «арабская весна». Это имиджевый аспект. Само название обладает некоторой привлекательностью и резко контрастирует с классическими революционными движениями, т. е. положительный отклик на те трансформации, которые происходят с тем или иным обществом, формируется в восприятии людей уже за счёт самого словосочетания «цветные революции»²².

Однако всегда стоит помнить, что эти «революции» протекали на фоне активного продвижения программ демократизации западного типа. Если говорить ещё конкретнее, то сценарий «цветной революции» строится на идеологии демократизации США. Таким образом, «цветная революция» является в этом смысле прямым следствием «экспорта» демократических институтов и ценностей в страны, представляющие определённый интерес²³.

Почти все «цветные революции», кроме, пожалуй, «арабской весны», произошли при проведении выборов, т. е. «мягкая сила» применялась для признания результатов голосования или нелегитимной существующей власти в Белграде, Тбилиси, Киеве, Бишкеке. Важно, что особую

роль в этом сыграли заранее созданные и финансируемые из-за рубежа молодёжные объединения (например, организация «Отпор!» в «бульдозерной революции»). Таким образом, социальная дестабилизация и подрыв репутации на мировой арене в «цветной революции» прямо связаны с действием механизма «мягкой силы» агрессора. Она создаёт нужный контекст, готовит почву.

Механизмы «мягкой силы» обостряют напряжённость и внутренние конфликты в обществе и предлагают красивый образ другого устройства, другой организации жизни.

При помощи «мягкой силы» можно выстроить диалог с населением интересующей страны следующим образом. «У вас же так много проблем, вы так плохо живёте, это всё так ужасно, у вас нет демократии, это несправедливо, неправильно, вы достойны большего! Смотрите, мы живём в демократическом обществе, и у нас нет таких проблем, у нас всё хорошо. Во имя своего блага и блага ваших детей вы должны сопротивляться и построить такое же демократическое общество, тогда все ваши проблемы сразу решатся».

Это упрощённый взгляд, но главный принцип он отображает. Нужно максимально обострить всевозможные внутренние противоречия и показать все соблазнительные стороны предлагаемой модели. Сменить власть становится возможным, если создать глубокую

²¹ Соловей В.Д. Революtion! Основы революционной борьбы в современную эпоху. М.: Эксмо, 2016. — 270 с.

²² Манойло А. Цветные революции и гибридные войны // Россия и мусульманский мир. 2015. № 10; Карякин В.В. Геополитика постмодерна: восприятие гибридных войн и цветных революций в общественном сознании // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 3. С. 68–78.

²³ Hale H.E. Democracy or autocracy on the march? The colored revolutions as normal dynamics of patronal presidentialism // Communist and Post-Communist Studies. 2006. Vol. 39. № 3. P. 309.

веру в её несостоятельность, таким образом её дискредитировав²⁴. Для этого можно использовать такие болевые точки, как понижение благосостояния, религиозные и этнические конфликты, бедность культурной сферы, недостаточно хорошее образование и т. д.²⁵

Ни в «революции роз» в Грузии, ни в «бульдозерной революции» в Сербии, ни в «оранжевой революции» на Украине не было длительного формирования революционных настроений. Эти события не зрели в обществе, не приобрели сколько-нибудь оформленный вид революционной программы, они произошли быстро, стихийно, на эмоциях, заботливо подогреваемых «мягкой силой» Запада²⁶.

Одним из авторов-технологов стратегии «цветных революций» является профессор политологии Массачусетского университета Дж. Шарп, ставший широко известным после выхода в свет книги *The Politics of Nonviolent Action*²⁷. В основу его концепции была положена сформулированная им теория «политики ненасильственных действий», согласно которой он обосновывает феномен «цветных революций» и выводит 198 методов ненасильственных действий. В брошюре

*From Dictatorship to Democracy*²⁸ роль «мягкой силы» в такой «революции» заключается в её организации, подпитке и легитимации. Ключевой аспект – это лишение действующей власти социальной опоры и опоры на силовые институты. Как правило, элитные силовые подразделения сами объявляют свой нейтралитет или переходят на сторону оппозиции. Это тоже результат гибридной атаки, но уже не «мягкой силы». Высшие чины силовых структур подкупаются, запугиваются или склоняются к такой позиции при помощи других рычагов. Иногда хорошо работает вызов крайне негативной реакции на попытки насильственного подавления государством ненасильственных протестов граждан. Примером может служить разгон полицией протестующих в Тунисе во время «жасминовой революции» 2010–2011 гг.²⁹

Таким образом, заинтересованные стороны-организаторы направляют силы противника против себя самого. Применение силы со стороны государства ожесточает протестующих, и ненасильственные действия сопротивления перерастают во вполне насильственные (погромы, поджоги, мародёрство).

²⁴ Уралов С. Украинская трагедия. Технология сведения с ума. СПб.: Лира, 2023. С. 33, 40.

²⁵ Матвиенко Ю.А. «Цветные» революции как невоенный способ достижения политических целей в «гибридной» войне: сущность, содержание, возможные меры защиты и противодействия // Информационные войны. 2016. № 4. С. 25.

²⁶ Анненков В.И., Моисеев А.В. Психологическое принуждение – один из основных методов проведения «цветных революций» гибридной войны // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 9-2(97-2). С. 4704–4714.

²⁷ Sharp G. *The Politics of Nonviolent Action* (All Three Parts). Boston: Porter Sargent Publishers, 1973. P. 139.

²⁸ Sharp G. *From Dictatorship to Democracy. A Conceptual Framework for Liberation*. Boston: The Albert Einstein Institution, 1994. – 94 p.

²⁹ Кашина А.А. «Жасминовая революция» в Тунисе // Обозреватель–Observer. 2011. № 7. С. 74–82.

Необходимо вспомнить ещё один репетиционный и технологический аспект.

В 2011 г. в центре Каира на площади Тахрир египетские протестующие разбили палаточный городок. Почти такая же ситуация наблюдалась в «оранжевой революции» на Украине в 2004 г. и в других центрах «цветных революций».

Важна следующая деталь: снабжение протестующих предметами первой необходимости (водой, едой, тёплыми одеялами, медикаментами и предметами первой медицинской помощи) велось общественными организациями (а они могут выступать именно как носители «мягкой силы») именно на этих главных площадях, где проходили митинги, привлекая всё больше людей в гущу событий³⁰.

Ещё одна важная функция «мягкой силы» в «цветной революции» – это легитимация нового режима.

Как правило, государство-агрессор, которому выгодна «цветная революция», выступает на стороне оппозиции. И благодаря влиянию своей «мягкой силы» агрессор убеждает мировое сообщество согласиться с новым положением вещей. И чем мощнее «мягкая сила» агрессора, тем меньше на международном уровне возникнет протестов против такого рода вмешательств во внутренние дела вроде как независимых стран³¹.

Технология «мягкой силы» действует за счёт создания определённых структур и институтов.

С одной стороны, если государство может устанавливать международные правила и стандарты, то его действия становятся легитимными в глазах партнёров, а с другой – для распространения своего влияния нужны локальные рычаги в конкретных регионах. Иными словами, любая реклама не будет иметь успеха и не достигнет целевой аудитории, если у неё нет эффективных каналов транслирования³².

Это утверждение можно рассмотреть на примере Германии.

После Второй мировой войны Западная Германия оказалась в весьма невыгодном положении с невыясненным государственным статусом, что подготовило хороший бэкграунд для развития неправительственных организаций, которые не только смогли найти своё место во внешней политике, но и стать мощным инструментом «мягкой силы». Как правило, эти фонды активно финансируются государством и ведут свою деятельность как внутри государства, так и в других странах.

Оценивая роль данных политических фондов для Германии, Г. Коль говорил, что это «сокровище, которым мы все можем гордиться»³³.

Преимущество фондов заключается в одновременной возможности сотрудничать с политическими партиями, которые их финансируют, и при этом автономны от них, что достигается за счёт прямого взаимодействия с государственными структурами (например, с МИД). Кроме того, фон-

³⁰ Шульц Э.Э. Технологии бунта: «цветные» революции и «арабская весна» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. Т. 10. № 19. С. 46–54.

³¹ Ниточкин Ф.В. «Мягкая сила», «цветная революция» и гибридная война: публичная дипломатия vs политическая технология // Дипломатическая служба. 2023. № 3. С. 207–224.

³² Уваров И.А. Информационная составляющая гибридных войн // Политконсультант. 2021. Т. 1. № 3 // URL: <https://politicjournal.ru/PDF/o6PK321.pdf>

³³ Цит. по: Погорельская С.В. «Мягкая» сила Германии: Политические фонды // Актуальные проблемы Европы. 2014. № 3. С. 135–152.

ды получают поддержку со стороны ЕС и могут дополнить внешнюю политику там, где бессильна дипломатия или необходимо неформальное сотрудничество политических элит.

Тесные контакты с политическими элитами особенно важны при подготовке к гибридной войне, поскольку данные «удобные» элиты выступают в качестве своеобразных информаторов, давая возможность собрать нужную фактуру, подготовить стратегию, быстро реагировать и управлять ситуацией. Точно так же они важны и на этапе развёрнутых действий гибридной войны, так как позволяют проводить необходимую политику, предугадывать ответные меры, направлять общественное мнение в нужное русло³⁴.

Кроме того, фонды могут взять на себя работу с кризисами и конфликтами. Причём включиться в урегулирование фонды могут как для преодоления структурных причин противостояния, влияя на методы конфликтующих сторон, так и на первичном этапе постконфликтной фазы для установления необходимого курса дальнейших взаимоотношений.

Примером может служить ситуация в Боснии после Дейтонских соглашений (согласованы на военной базе США в Дейтоне 21 ноября 1995 г., подписаны в Париже 14 декабря 1995 г.). Это документ, который поставил точку в четырёхлетней гражданской войне в Боснии и Герцеговине и определил контуры нового устройства республик СФРЮ. И конечно, в условиях раздробленности социальной системы нового государства необходим был механизм для урегулирования разногласий и создания нового консолидированного общества.

Фонды в Боснии смогли выступить в качестве посредников между внутриполитическими силами. Они стали своего рода нейтральной площадкой для решения проблем как внутригосударственных (у фондов сложились доверительные партнёрские отношения с конфликтующими сторонами), так и внешнегосударственных (в силу их интегрированности в партийную систему Германии и в проекты мирового сообщества)³⁵. Непосредственный конфликт был разрешён, но для установления определённых форм дальнейшего международного сотрудничества нужен был трёхсторонний посредник, который мог бы:

- поддержать отношения доверия между конфликтующими сторонами;
- интегрироваться в немецкий политический процесс для реализации немецкого национального интереса;
- поддержать проекты мирового сообщества в Боснии³⁶.

Именно таким посредником и выступили фонды. В сущности, политические предпосылки – необходимое условие для разворачивания работы фондов. Их влияние распространяется на разные секторы государств, представляющие стратегический интерес.

К примеру, в арсенале Фонда Зайделя – многолетний опыт обучения военных сил (полицейских, таможенных, пограничных) в диктаторских режимах, с одной стороны, и участие в демократических реформах тех же вооружённых сил – с другой (Южная Африка в 90-е годы).

Также внешнеполитические стратегии могут проявляться через работу культурно-политических программ этих фондов (выставки, образователь-

³⁴ Шульц Э.Э. Технологии бунта: «цветные» революции и «арабская весна».

³⁵ Сковородников А.В. Дейтонские соглашения и завершение гражданской войны в Югославии // Современная Россия и мир: альтернативы развития (Разрешение межгосударственных конфликтов: актуальный опыт истории и современность). Сборник научных статей / под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2011. С. 158–161.

³⁶ Погорельская С.В. «Мягкая» сила Германии: Политические фонды.

ный обмен, театральные и музыкальные фестивали, религиозные мероприятия и т. д.), которые активно проводились и проводятся в государствах Центральной Азии или на Ближнем Востоке. Цель всё та же – усиление Германии и ослабление государств-мишеней³⁷.

Россия также сталкивалась с активной работой подобных фондов, в особенности сразу после распада СССР, когда западные страны активно стремились приобщить российское общество к своим нормам, ценностям, символике и культуре. Особенно это приобщение проводилось посредством информационного пространства. Конечно, навязать сразу единые стандарты всему обществу, которое на протяжении достаточно долго времени воспитывалось совершенно в другом ключе, задача не только очень затратная, но по своей сути почти недостижимая. Однако если есть время, то нет необходимости оказывать сильное влияние на взрослое поколение. Целесообразнее воспитать в «правильном русле» молодёжь, которая воспримет необходимые ценности и станет лояльна к определённому образу жизни и как следствие – к действиям со стороны государства, которое планирует гибридную войну.

Практически всем школьникам середины 90-х – начала 2000-х хорошо известны учебники по истории России, выпущенные при поддержке американского Фонда Сороса. Они активно распространялись в первые десятилетия «демократии» в России. На почву юношеского максимализма хорошо ложились не только ценности демократии, толерантности, куль-

турного плюрализма, но и ярко разгорался вопрос «несправедливости» различий между развитостью, превосходством, перспективностью западного «общества потребления» и «отсталостью» российского.

Ставились те самые вопросы: «Чем мы хуже?», «Что с нами не так?»³⁸

В этих условиях легко подтолкнуть к идее о том, что российское общество развивалось неправильно, его традиционные представления, идеи и символы давно устарели, являются иррациональными и не отражают действительность.

В целом обеспокоенность тем, как мы выглядим в глазах Европы, красной нитью проходит через российскую историю. Эта обеспокоенность почти укоренилась в национальной идее, начиная с философских столкновений западников и славянофилов, которые никак не могли договориться, нужно ли нам идти по пути европейского развития или же самобытность дороже.

Во второй половине XIX в. русский публицист и поэт И.С. Аксаков писал: «Если, например, поднимается свист и гам по поводу властолюбия и завоевательной похоти России, знайте, что какая-либо западноевропейская держава готовит бессовестнейший захват чьей-либо чужой земли <...> который прямо вредит интересам нашим или дружественных нам единоплеменников. На Западе хорошо знают, что мы ничего так не боимся, как общественного мнения Европы»³⁹.

Кроме концепции *soft power* для описания инструментария гибридной войны было предложено понятие «ум-

³⁷ Гепперт Р. Основные цели и задачи Фонда Ганнса Зайделя // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 3. С. 264–265.

³⁸ Зленко Н.М. О проблеме воспитания Российской молодёжи в духе патриотизма // Бизнес и общество. 2023. № 2 // URL: http://business-society.ru/2023/2-38-2/99_zlenko.pdf

³⁹ Аксаков И.С. Политическое обозрение // Русь. 1880. № 3.

ная сила» (*smart power*), которое сформулировали автор термина «мягкая сила» Дж. Най и первый заместитель госсекретаря США Р. Армитидж в 2007 г. для обозначения интегрированной стратегии и ресурсов по достижению целей США.

В самом первом приближении «умная сила» представляет собой конвергенцию сильных сторон *soft power* и *hard power*⁴⁰. По сути, это движущее ядро гибридной войны. С другой стороны, само понятие *smart power* лингвистически подразумевает под собой силу знания.

Постулат, что «миром владеет тот, в чьих руках истина», известен давно. В современном мире очевидным фактом является и то, что знания выступают весьма ценным ресурсом. Однако с точки зрения анализа гибридной войны это выявляет ещё одно поле конкуренции и столкновения интересов – поле экономики знания.

Доклад Дж. Най и Р. Армитиджа по «умной силе» был подготовлен за год до президентских выборов в США. Цель доклада – формулирование программы внешней политики будущего президента (вне зависимости от того, кто конкретно победит на этих выборах) как политики удержания позиций США на мировой арене и во включении в свою сферу большего числа партнёров.

Кстати, характеризуя внешнюю политику России, руководитель программы по исследованию

ЕС Йельского университета Д. Кэмерон оценивает её именно как *smart power*.

По его мнению, именно это «ставит европейцев в тупик», поскольку для европейских государств ближе технология *soft power*, а столкновение интересов в области их зависимости от российских энергоносителей достаточно очевидно⁴¹.

Кроме того, стратегии «умной силы» необходимым образом врага для оправдания элемента «жёсткой силы» внутри себя. Для российского информационного поля традиционным образом врага являются США, но это взаимное чувство, поэтому для американских реалий образ России как опасного агрессора привычен.

Тем не менее концепция технологии «мягкой силы» неоднократно подвергалась критике. Аргументы приводятся различные.

К примеру, в 2001 г. в период войны Североатлантического альянса с «Талибаном»* в Фархоре (несколько километров от границы с Афганистаном) Индия сформировала госпиталь для лечения раненых натовских бойцов. Однако после разгрома «Талибана» Индии были необходимы новые методы сдерживания влияния Пакистана в Афганистане, поэтому было принято решение (2011 г.) обустроить аэропорт Айны неподалеку от столицы Таджикистана, где можно было бы разместить индийскую базу ВВС. В этот проект было вложено порядка 70 млн долл. Однако разместить там самолёты Индии так и не удалось.

По решению ОДКБ (декабрь 2011 г.) ни одно государство – член договора не может размещать у себя базы других государств без согласия участников организации. А министр иностранных дел Таджикистана Х. Зарифи заявил, что только Россия сможет использовать этот аэродром⁴².

⁴⁰ Armitage R.L., Nye J.S., Jr. SIS Commission on Smart Power: a smarter, more secure America. Washington, CSIS Press, 2007. P. 12.

⁴¹ Dancing with the Bear. An Interview with David Cameron // The Times. 2019. 16 September.

⁴² Kucera J. India's Central Asia Soft Power // The Diplomat. 2011. 3 September.

* Террористическая организация, деятельность которой на территории Российской Федерации запрещена на законодательном уровне.

Этот пример показывает, насколько сложно применение «мягкой силы» и насколько ситуация может выйти из-под контроля.

Также в качестве аргумента против универсальности «мягкой силы» в контексте гибридных войн приводится то, что развёртывание программ по приобщению, к примеру, к американским «ценностям» в регионах мусульманского Востока или Азии вызвало обратную реакцию. Пресыщение чужеродной культурой мотивировало общества начать активно защищать национальные интересы и традиционные ценности. Кроме того, иллюзия «дружбы» исчезает в тот момент когда столкновение интересов очевидно, а утрата этой иллюзии сильно влияет на имидж государства в глазах миро-

вого сообщества. Так, методы борьбы США с ИГИЛ* в Ираке вызвали отрицательную реакцию в европейском сообществе, что повлекло за собой кризис американской «мягкой силы».

Но как это было показано в фильме 1997 г. «Хвост виляет собакой» (*Wag the dog* – термин американских политтехнологов), чтобы забыть один скандал, нужно создать ещё более эмоционально заряженную ситуацию, которая переключит на себя внимание общественности. Так и работает механизм воспроизводства действия «мягкой силы»: целевой аудитории предлагают новый и новый контент, целью которого является поддержание симпатии и эмоционального напряжения. Ошибки неизбежны, но без них невозможно развитие технологий, применяемых в гибридной войне.

Исследователи подчёркивают, что ресурсы «мягкой силы» имеют ряд ограничений, а сама технология весьма сложна в своей реализации и требует всё большего количества ресурсов.

Таковыми ресурсами могут обладать лишь государства с развитой информационной системой.

Современное информационное поле предоставляет массу новых возможностей для эволюции оружия «мягкой силы» в реализации целей гибридной войны.

Библиография • References

Аксаков И.С. Политическое обозрение // Русь. 1880. № 3.

[Aksakov I.S. Politicheskoe obozrenie // Rus'. 1880. № 3]

Анненков В.И., Моисеев А.В. Психологическое принуждение – один из основных методов проведения «цветных революций» гибридной войны // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 9-2(97-2). С. 4704–4714.

[Annenkov V.I., Moiseev A.V. Psihologicheskoe prinuzhdenie – odin iz osnovnykh metodov provedeniya «cvetnykh revolyucij» gibridnoj vojny // Voprosy politologii. 2023. T. 13. № 9-2(97-2). S. 4704–4714]

* Террористическая организация, деятельность которой на территории Российской Федерации запрещена на законодательном уровне.

- Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. М.: Весь Мир, 2004. – 188 с.
- [Bauman Z. Globalizaciya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva / per. s angl. M.: Ves' Mir, 2004. – 188 s.]
- Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. С.Н. Зенкина. М.: Рудомино, 2001. – 351 с.
- [Bodriyyar ZH. Sistema veshchej / per. S.N. Zenkina. M.: Rudomino, 2001. – 351 s.]
- Грамини А. Искусство и политика: сборник: В 2 томах / пер. Р.И. Хлодовского. М.: Искусство, 1991. Т. 1. – 431 с.
- [Gramshi A. Iskuststvo i politika: sbornik: V 2 tomah / per. R.I. Hlodovskogo. M.: Iskuststvo, 1991. T. 1. – 431 s.]
- Ивашов Л.Г. Операции «мягкой силы» в гибридной войне // Геополитика и безопасность. 2017. № 3. С. 14–24.
- [Ivashov L.G. Operacii «myagkoj sily» v gibridnoj vojne // Geopolitika i bezopasnost'. 2017. № 3. S. 14–24]
- Кашина А.А. «Жасминовая революция» в Тунисе // Обозреватель–Observer. 2011. № 7. С. 74–82.
- [Kashina A.A. «ZHasminovaya revolyuciya» v Tunisie // Obozrevatel'–Observer. 2011. № 7. S. 74–82]
- Лао-Цзы. Дао-Дэ Дзин. Книга пути и достоинства / пер. с кит. Д.П. Кониси. М.: АСТ, 2020. – 236 с.
- [Lao-Czy. Dao-De Dzin. Kniga puti i dostoinstva / per. s kit. D.P. Konisi. M.: AST, 2020. – 236 s.]
- Леонова О.Г. «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния // Обозреватель–Observer. 2014. № 3. С. 18–28.
- [Leonova O.G. «Myagkaya sila»: instrumenty i koeffitsienty vliyaniya // Obozrevatel'–Observer. 2014. № 3. S. 18–28]
- Леонова О.Г. Джозеф Най и «мягкая сила»: попытка нового прочтения // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 1. С. 101–114.
- [Leonova O.G. Dzhozef Naj i «myagkaya sila»: popytka novogo prochteniya // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2018. № 1. S. 101–114]
- Манойло А. Цветные революции и гибридные войны // Россия и мусульманский мир. 2015. № 10. С. 5–14.
- [Manojlo A. Cvetnye revolyucii i gibridnye vojny // Rossiya i musul'manskij mir. 2015. № 10. S. 5–14]
- Матвиенко Ю.А. «Цветные» революции как невоенный способ достижения политических целей в «гибридной» войне: сущность, содержание, возможные меры защиты и противодействия // Информационные войны. 2016. № 4. С. 11–19.
- [Matvienko YU.A. «Cvetnye» revolyucii kak nevoennyj sposob dostizheniya politicheskikh celej v «gibridnoj» vojne: sushchnost', sodержanie, vozmozhnye меры zashchity i protivodejstviya // Informacionnye vojny. 2016. № 4. S. 11–19]
- Савин Л.В. Сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение, 2011. – 130 с.
- [Savin L.V. Setecentrchnaya i setevaya vojna. Vvedenie v koncepciyu. M.: Evrazijskoe dvizhenie, 2011. – 130 s.]
- Сунь-Цзы. Искусство войны / пер. с англ. М.М. Михайлова. М.: Астрель, 2012. – 317 с.
- [Sun'-Czy. Iskuststvo vojny / per. s angl. M.M. Mihajlova. M.: Astrel', 2012. – 317 s.]
- Уваров И.А. Информационная составляющая гибридных войн // Политконсультант. 2021. Т. 1. № 3 // URL: <https://politicjournal.ru/PDF/o6PK321.pdf>

- [Uvarov I.A. Informacionnaya sostavlyayushchaya gibridnyh vojn // Politkonsul'tant. 2021. T. 1. № 3 // URL: <https://politicjournal.ru/PDF/06PK321.pdf>]
- Уралов С. Украинская трагедия. Технология сведения с ума. СПб.: Лира, 2023. – 384 с.
- [Uralov S. Ukrainskaya tragediya. Tekhnologiya svedeniya s uma. SPb.: Lira, 2023. – 384 s.]
- Armitage R.L., Nye J.S., Jr. SIS Commission on Smart Power: a smarter, more secure America. Washington, CSIS Press, 2007. – 27 p.
- Colin S.G. Hard Power and Soft Power: The Utility of Military Force as an Instrument of Policy in the 21st Century / S. Gray Colin. SSI Monograph, 2011. – 182 p.
- Gallarotti G.M. Compound soft power: the BRICS and the multilateralization of soft power // Journal of Political Power. 2016. Vol. 9. № 3. P. 467–490.
- Hale H.E. Democracy or autocracy on the march? The colored revolutions as normal dynamics of patronal presidentialism // Communist and Post-Communist Studies. 2006. Vol. 39. № 3. P. 305–329.
- Nye J.S., Jr. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N. Y.: Basic Books, 1990. – 334 p.
- Nye J.S., Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004. – 192 p.
- Sharp G. From Dictatorship to Democracy. A Conceptual Framework for Liberation. Boston: The Albert Einstein Institution, 1994. – 94 p.
- Sharp G. The Politics of Nonviolent Action (All Three Parts). Boston: Porter Sargent Publishers, 1973. – 198 p.

Статья поступила в редакцию 20 июня 2024 г.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

**Просим обратить внимание на изменения требований
к подготовке сопроводительной документации.**

**[https://www.observer-journal.ru/jour/about/
submissions#authorGuidelines](https://www.observer-journal.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines)**